

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

факультет журналистики

кафедра философии гуманитарных факультетов

Реферат на тему

«Современный человек в пространстве и времени»

Работу выполнила

студентка второго курса

Кожанова Д. В.

Группа № 203

Руководитель:

доцент Костикова И. В.

Москва

2014

На самом деле литература не о жизни, да и сама жизнь - не о жизни, а о двух категориях, более или менее о двух: о пространстве и о времени

И. А. Бродский

Краткая история вопроса

Человечество с момента своего возникновения существует в пространстве и времени. Они определяют параметры существования мира и основополагающие формы человеческого опыта. Об этом писал ещё Кант: пространство - априорная форма внешнего чувств, а время - априорная форма внутреннего чувства. Но, как справедливо отмечает Гуревич, «чувство времени» не присуще нам с рождения: оно всегда определяется той культурой, к которой принадлежит человек¹.

Так, древние греки не знали прямолинейной теории прогресса – у них был уходящий в мифологическое сознание «абсолютный космологизм», как писал Лосев: «космосу некуда двигаться, пространство уже занято им самим»². Все сохраняется в своей неизменной самодостаточности, и возможно лишь пребывание в покое или движение по кругу. Время и пространство ещё не стали теми абстракциями, которыми привыкло жонглировать современное сознание.

¹ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М., 1972. URL: <http://www.philology.ru/literature3/gurevich-72.htm> (дата обращения: 27.03.14).

² Лосев А. Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре // в составе заключения к книге: Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. и др. Античная литература: Учебник для высшей школы / Под ред. А.А. Тахо-Годи. - М., 1997. URL: <http://philologos.narod.ru/losev/antic12t.htm#003> (дата обращения: 09.04.14).

С появлением христианства время и пространство начали вытягиваться в стройную линию, имеющую четко определенный конец. Время единично, и оно кончится, когда исполнится полнота сроков – второе пришествие Христа. «Время имеет онтологическое значение, через него раскрывается Смысл», пишет Бердяев¹. Здесь же впервые происходит отделение времени от вечности: «вечность - атрибут Бога, время же сотворено и имеет начало и конец, ограничивающие длительность человеческой истории»². Однако бывают такие моменты, когда вечность будто бы прорезывает временную ткань. Пространственный мир Средних веков не обладает трехмерностью и заменен плоскостью, где все – от земли до неба - пронизывает нерушимый вертикальный перпендикуляр.

Ломка этой вертикали открывает эпоху Возрождения. Пространство мыслится бесконечным, ничего не сдерживает движение по всем осям координат – и световоздушная перспектива Леонардо да Винчи так же повлияла на утверждение горизонтали, как и Великие географические открытия. В Новое время начинается отсчет представлений человека о времени, близким современному восприятию. В значительной степени этому способствовало распространение механических часов. Изобретенные ещё в конце XIII века, в XIV и XV веках они появляются на башнях многих городов Европы. Время не только ускорилося, но и потеряло свою качественную природу: оно лишилось той эмоциональности в восприятии, свойственной античности и Средневековью.

Произошло, по сути, «отчуждение времени», когда его стали делать на «равновеликие бескачественные единицы», поддающиеся счету. Время обрело свою меру веса и меру стоимости - его стали беречь и ценить, чтобы ис-

¹ Бердяев Н. А. Я и мир объектов // Философия свободного духа. - М.: Республика, 1994.
URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/mirobj/index.html> (дата обращения: 23.03.14).

² Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры...

пользовать с большей для себя пользой. Окончательно установились границы между размытым прежде прошлым, настоящим и будущим – все унифицировалось в строгую систему. Вместе с тем появилось осознание того, что, несмотря на классификацию, время «сделалось скоропреходящим, невозвратным и неуловимым», и человек не мог его остановить (как восклицал Гамлет: «The time is out of joint»)¹.

Кардинальный переворот во взглядах на пространство и время произошел в начале прошлого века – это теория относительности Альберта Эйнштейна. Бесконечное пространство вернулось в свои пределы – его кривизна является причиной замкнутости. Эйнштейн доказал, что структура пространства и времени определяется распределением масс материи – вещей. На вопрос корреспондента о сути своей теории он ответил так: «Суть такова: раньше считали, что если каким-нибудь чудом все материальные вещи исчезли бы вдруг, то пространство и время остались бы. Согласно же теории относительности вместе с вещами исчезли бы и пространство, и время».

Одновременно технический прогресс ещё больше ускорил динамику – категория скорости стала определяющей и для времени, и для пространства. Они стали умаляться: «все временные и пространственные дали сжимаются. Куда раньше человек добирался неделями и месяцами, туда теперь он попадает на летающей машине за ночь»². Так писал Хайдеггер, но сейчас с развитием Интернета мир кажется легко обозримым, и счет идет уже не на минуты, а на секунды, требуемые, что сообщение с одного конца света дошло до другого конца. Время сделалось очень упорядоченно, а отношение человека ко времени – в высшей степени сознательно и рационально: «современный

¹ То же.

² Хайдеггер М. Вещь // Время и бытие. - М., 1993. URL:

<http://www.infoliolib.info/philos/heidegger/th.html> (дата обращения: 05.04.14).

человек легко оперирует понятиями времени, без особых затруднений осознавая самое отдаленное прошлое», так же легко он предвидит и будущее¹.

Но время стало и новым богом, которому поклоняется человек, и складывается своеобразный «культ времени», так как современному человеку надо все успеть. Идет невидимое соревнование между человеком и временем, фраза «выиграть время» приобретает едва ли не буквальное значение. Трудно не согласиться с Гуревичем, что «циферблат со спешащей секундной стрелкой вполне мог бы стать символом нашей цивилизации»². Интересно, что все эти прогрессивные процессы похожи на процессы архаические, а именно – на мифологическое отношение ко времени, когда при первом сознательном его осмыслении человек стремился устранить время или превзойти его. К тому же мифологические верования делали время таинственной силой, управляющей жизнью Вселенной.

Какой же результат мы имеем к началу XXI века? Победа над пространством и временем, власть над ними оказалась иллюзорной. Человеческая самоуверенность обернулась потерей сил и разочарованием в собственных возможностях. Человек, можно сказать, заигрался со временем, как постмодернистские писатели: ему кажется, что он может изменить «хронотоп», растянуть время, как ему вздумается, сжать пространство. В таком случае мы овладели только верхним слоем, а глубины остались нетронутыми. Хайдеггер говорил, что когда мы надеваем на руку часы, то мы точно определяем текущее время, «но нигде не найдем мы времени на часах, которые показывают нам время»³.

Другой парадокс – подчинив себе пространство и время, человек, казалось бы, должен был разрушить все имеющиеся границы и освободить от скованности и духовную сущность. Но слом внешнего ещё не означает пре-

¹ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры...

² То же.

³ Хайдеггер М. Время и бытие // Разговор на проселочной дороге. – М., 1991 – С. 88.

образования внутреннего, и проведенный по всему миру Интернет больше внес индивидуализма, чем общности. Человеку открыт мир – а он по-прежнему одинок, и даже больше чем прежде («одинокество в сети»). Здесь очень уместны высказывания Бердяева, хотя тот и не мог представить себе, что такое Интернет: «Насильственные сообщения между людьми, преодолевающие пространство и время, построены при помощи познания объективированного, не предполагающего общности»¹. И ещё более точно: «Пространство и время нашего объективированного мира есть источник одиночества и вместе с тем призрачного преодоления одиночества»². Сидящий перед компьютером человек ещё более обостренно чувствует это противоречие – между невозможностью остаться замкнутым в себе и осознанием всей сложности оторваться от собственного «Я». Отсюда и вытекают те проблемы, о которых мы бы хотели говорить.

¹ Бердяев Н. А. Я и мир объектов...

² То же.

Почему усилилось расхождение субъективного и объективного времени?

Внешнее время, как мы уже писали выше, приобрело буквально космическую скорость. Достаточно посмотреть вокруг, чтобы увидеть, как все находится в одном непрерывном движении: ездят машины и поезда, летают самолеты, перелистываются электронные книги, шумят экраны мониторов, с быстротой молнии переключаются страницы. Взгляд почти не останавливается, любая остановка расценивается как потеря времени и застой – человек покинул одно место – и уже стремится сбежать в другое, перешел по одной ссылке, чтобы тут же открыть другую. Ничего, кажется, не задерживается и не набирает полноту – надо срочно пускать все в оборот, как трейдеры на биржах (бесконечные финансовые потоки тоже движутся в каком-то невидимом для нас измерении). Здесь берет начало и такой известный феномен, как «клиповое сознание». Вместо способности к синтезу и анализу – быстрый поиск среди миллионов фактов и ловкое проигрывание ими, как у родившегося после 2000 года поколения, которому вместо погремушек давали в руки «ай-пад».

Несомненно, что изменились не только внешние условия, но и мы сами. Такой ритм стал фактически нормой человеческой жизни, и мы привыкли быстро воспринимать и искать информацию, мгновенно переключаться с одного на другое. Вопрос лишь в том, насколько могут такие изменения соотноситься с изначальной, вневременной частью природы человека. Получается, что все сводится к раздвоению в самой человеческой природе, ведь, как пишет Бердяев «ошибочно наивно-реалистическое понимание времени как формы, в которую вставлено человеческое существование и которой определяются изменения»¹. На самом деле «болезнь времени» вызвана «болезнью» самого человека: «Время падшее, время нашего мира есть результат падения,

¹ Бердяев Н. А. Я и мир объектов...

происшедшего внутри существования», когда распались все привычные связи и все стало разобщенным и скованным¹. Внешне обусловленное пришло в противоречие с внутренне автономным – первого стало слишком много, и ради него мы стали больше жертвовать вторым.

«Не думай о секундах свысока»

Такой разрыв вызвал обостренное ощущение быстротечности времени, неуловимой сиюминутности, с которой человек не в состоянии ничего сделать. Хотя время неизбежно связано с разрывом, и в этом заключается его двойственность: оно одновременно «результат творчества нового, небывшего» и «утери целостности» (Н. Бердяев). Временное означает преходящее, но «между тем как время постоянно проходит, оно все же остается временем»². Выходит, что время есть и в то же время его нет, вернее сказать, объективное время есть всегда, а все субъективное, с ним связанное, – зыбко. «Мы хотим увековечить дорогое нам и прекрасное настоящее, мы страшимся, когда оно от нас уходит, печалимся его умиранию», мы хотели бы сделать его вечным³. Но наступающее будущее автоматически переводит его в разряд прошлого – и громкие красивые слова, например, о вечной любви так и остаются только словами – не столько из субъективных, а сколько из объективных факторов.

Соотнесенность прошлого и будущего – это их «смертоносная связь», и время, по выражению Бердяева, является не просто болезнью, а «болезнью к смерти». Эта двусмысленность времени направляет человека к физическому небытию: вещь уходит, остаются только воспоминания, но даже им положен

¹ То же.

² Хайдеггер М. Время и бытие // Разговор на проселочной дороге. – М., 1991 – С. 81.

³ Бердяев Н. А. Я и мир объектов...

предел, не случайно Иосиф Бродский в своем эссе «Полторы комнаты» писал о «бомбе времени, которая разбивает вдребезги даже память».

В поэтическом мире Бродского воздух разряжен не потому, что он лишен кислорода, а потому, что в нем слишком много Времени в чистом виде – между Временем и Вечностью нет никакой буферной зоны, и человек остается безнадежно потерянным среди этих холодных абстракций¹. В общем смысле конфликт между объективным и субъективным временем – это несовпадение временного и вечного. «Радость мгновения не переживается, как полнота вечности, в ней есть отравленность стремительно мчащимся временем»². Человек с грустью смотрит на уходящее время, как на скрывающийся за горизонтом родной дом – так каждый из нас переживает свой «личный Апокалипсис».

Мы выдумали себе множество обозначений времени, в английском языке их ещё больше, но они хороши только на бумаге. Что такое настоящее? Едва мы его назвали, как сразу подумали о прошедшем и о будущем, замечает Хайдеггер. Будущее же всегда обращено в прошлое: «то, что из-за прошедшего времени я потерял, благодаря будущему я восстанавливаю», и в этом смысле будущее выглядит «многообещающим», так как в нем всегда есть надежда на возвращение³. Но как только само будущее отойдет в прошлое, то «я захочу исправить его ошибки новым будущим» – вечный круговорот. Концепция будущего и прошлого для Бродского намного более пессимистична по сравнению с оптимистичными взглядами Бибикина. По Бродскому только прошлое имеет настоящую полноту, а будущее – это жизнь, где нас уже не

¹ Ранчин А. «На пиру Мнемозины»: Интертексты Иосифа Бродского. – М., 2001. URL: <http://lib.rus.ec/b/443171/read> (дата обращения: 07.04.14).

² Бердяев Н. А. Я и мир объектов...

³ Бибикин В. Мир // Вестник русского христианского движения (Париж – Нью-Йорк – Москва), № 189, 1, 2005. URL: <http://bibikhin.ru/articles-list/16/76/> (дата обращения: 26.03.2014).

будет¹. Бродский почти никогда не использует слово «будущее», вместо него – «грядущее», по ассоциации с «грызущим» (знаменитое – ...и при слове «грядущее» из русского языка// выбегают черные мыши и всей оравой// отгрызают от лакомого куска// памяти, что твой сыр дырявой).

Современное сознание пытается разрешить противоречие между субъективным и объективным временем внешними способами. На практике это вылилось в настоящую гонку за мгновением, поэтому на современных Фаустов не хватило бы никаких Мефистофелей. Появилась привычка фиксировать каждый шаг, причем не с помощью дневников, обычных или даже сетевых, что предполагает рефлексивную работу, а в виде зарубок, какие Робинзон делал на своем острове. Речь идет о новой интернет-культуре: сюда включаются и постоянные посты и репосты в социальных сетях, короткие сообщения в микроблоге «Твиттер» и главное – бьющий рекорды популярности «Инстаграм» - специальный сервис, где публикуются только фотографии. Все это зачастую приобретает абсурдный характер, когда человек выкладывает на всеобщее обозрение записи вроде «я пошел в магазин» и фотографии своего завтрака или любой встреченной по дороге безделушки. Особая разновидность фотографий – так называемые «селфи», т.е. фотографии себя – попытка спасти от распада не только окружающий мир, но и самого человека.

Но никакие технологические новшества не могут обмануть время. Избыток запечатлённых «прекрасных мгновений» в социальных сетях обесценивается. Мамардашвили писал о технической эпохе с её бешено ускоряющимся временем, также ещё не зная об Интернете: «Каждое мгновение не имеет ценности и полноты в себе, на нем нельзя задержаться.... Каждое мгновение есть лишь средство для следующего за ним мгновения»². Миг пе-

¹ Ранчин А. «На пиру Мнемозины»: Интертексты Иосифа Бродского...

² Мамардашвили М. Кантианские вариации. URL:

http://www.gramotey.com/?open_file=1269073256 (29.03.14).

рестал быть единой неделимой единицей – его можно раздробиться на тысячу осколков. Главное свойство технической эпохи – устремленность к будущему, но оно определяется независимо от человека – через сами процессы, происходящие во времени, в котором как будто появилась собственная инерция. Время разогналось до такой степени и набрало такую силу, что человек может изобретать ещё сотни новых гаджетов, но не будет господином над временем – оно само заберет эти гаджеты и понесется дальше, оставляя нас позади. Сейчас «Я» просто «не имеет времени сознать себя свободным творцом будущего», человек может только подстроиться под него¹. Но тысячу раз был прав Хайдеггер: «Времени нет без человека».

Поиски себя и условия времени

Сейчас время кажется особенно обезличенным – объективное стремится установить свою власть над субъективным. Но, во-первых, это противоречит аксиоматическому положению, о котором мы уже говорили: «Время принадлежит внутреннему плану существования, и когда оно мыслится объективированным, то есть лишь проекция вовне происходящего внутри»². И во-вторых, «цельность, единство и углубленность «я» предполагает созерцание», и оно не хочет быть просто инструментом для последующего мгновения. «Я» хочет сохранить себе свое личное, подлинное время, которое «является близостью присутствия, объединяющей своим тройным просветом простираение из настоящего, прошедшего и будущего»³.

Как можно это сделать не внешними способами? Одна из форм – обращение к культурным пластам (искусство, наука), в более широком смысле – познание: «В условиях нашего мира именно в познании я переношусь в далекое прошлое и на противоположный конец мира. Познание устанавливает

¹ Бердяев Н. А. Я и мир объектов...

² То же.

³ Хайдеггер М. Время и бытие // Разговор на проселочной дороге. – М., 1991 – С. 92.

связи между тем, что разорвано и отчуждено»¹. Конечная цель – восстановление гармонии, «целости, которая была у ребенка в первом наивном взгляде на мир и прервалась со взрослением»².

Действительно, вдохновенное и полное погружение в культуру способно дать то ощущение «тройного простиранья», иначе говоря – вневременности. Охватывая несколько временным пластом сразу, мы избавляемся от одностороннего взгляда на вещи и замечаем связи и переходы. Но есть и другая сторона – привычка обращаться к прошлому может привести к ещё более осязаемому противоречию между человеком и современным ему историческим временем. Это углубляет несовпадение субъективного и объективного. Объективированный мир связан с математическим временем, измеряемым числом, но это другое время, чем время внутренней судьбы человек». Неразрешимая антиномия в том, что человек, выброшенный в объективный мир, вынужден действовать в тех условиях, которые ему предлагаются. Но, как пишет Бибихин, «человеку мало обнаружить свое тело в пространстве и в точности знать свое местоположение на карте и в календаре»³.

Простое определение себя во времени и в пространстве не играет никакой роли, главное – это найти себя в мире (в хайдеггеровском смысле), пространство и время должны стать «чувственно-духовными» категориями. Внешне ты можешь найти себя, выработать свои правила, даже сформировать свою личность, проще говоря, «устроить» свою жизнь, но это ещё ничего не значит. Время превращается в «век-волкодав»: он не всегда набрасывается на человека политическими потрясениями, но неизменно стережет его своими стереотипами. Оно формирует определенную модель поведения для достижения «успеха», и ты счастливый человек, если твое внутреннее время не противоречит ей, если запросы твоего «я» не выходят за рамки этой модели. Но так бывает не всегда: зачастую поиск и обретения себя либо прямо

¹ Бердяев Н. А. Я и мир объектов...

² Бибихин В. Мир...

³ То же.

противоречат тому, что навязывают стереотипы, либо просто никак не связаны с ними.

Для того чтобы максимально абстрагироваться от внешних условий, требуются мужество и воля, но даже они не заглушат чувства отчуждения от окружающей тебя среды, потерянности, а только помогут принять это. Невольно начинаешь задаваться обломовским вопросом: «Или я не понял этой жизни, или она никуда не годится?». Человек оказывается брошенным крайне в объективированный, чуждый и холодный мир. Этот мир, «механизированный и машинизированный», с «ай-фонами» и «ай-падами», с тысячами мест, куда можно поехать и развлечься, «создан человеком, но человек не находит себя в нем»¹. В ускоряющемся времени «я» «разлагается и дробится» - у него просто нет времени, чтобы остановиться и посмотреть внутрь себя.

Человек и история

Другое значение хайдеггеровского «Вот-бытия» - это существование в культурно-историческом времени и пространстве. Невозможно вырвать себя из исторического контекста, но и здесь все чаще возникают зияющие провалы. Как о главной опасности Ясперс писал: «Если вся предшествующая история со всеми ее событиями лишь в незначительной степени затрагивала субстанцию человеческой природы, то теперь как будто сама эта субстанция пришла в движение»². Не остается ничего незыблемого, все изменчиво, и это ведет к распаду традиционных ценностей, между тем как историчность человека при всем его многообразии всегда предполагает целостность – причем

¹ Бердяев Н. А. Я и мир объектов...

² Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории. – М., 1991. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z00000655/> (дата обращения: 20.03.2014).

не на основе биологического происхождения, а на основе духовных ценностей. «Невыносимая легкость» пространственного перемещения делает расплывчатыми барьеры между странами и национальностями. Но это вызывает проблемы не просто с национальной идентичностью, но и с самоидентификацией в принципе: кто я? за какие ценности я стою?

Здесь мы снова возвращаемся к гамлетовскому «расшатанному веку» и одновременно к вопросу о поиске «национальной идеи»: ты не чувствуешь единения со своей настоящей историей, потому что в ней нет ничего дорогого. Возможно, тебе дорого прошлое собственной страны, но из него делают популистский лубок, и это вызывает отвращение, так же как и то, что вместо подлинного тебе предлагают одни фальшивки, ни одного честного или искреннего слова. Кто виноват, что тебе, живущему в XXI веке, приходится повторять слова Чаадаева: «Взгляните вокруг. Разве что-нибудь стоит прочно? Можно сказать, что весь мир в движении... ничего устойчивого, ничего постоянного; все течет, все исчезает, не оставляя следов ни во-вне, ни в вас». А теперь сравним это со словами русского писателя Михаила Шишкина (2013 год): «Вчерашняя газета – это метафора смерти... Это неправильное время, потому что здесь все исчезает».

Лейтмотив «боязни истории» очень ярко выражен в эссеистике Бродского: повторения – «свидетельство обезличивающего начала Истории, которая вообще враждебна», так и в нашей памяти любом общественном волнении, будь то Болотная площадь или Майдан, невольно всплывает 1917 год¹. У Бродского есть и другая идея, выступающая против линейного понимания истории. Он отвергает интерпретацию событий с точки зрения причинности и закономерности как этически несостоятельную. Потомки подсознательно оправдывают убийства и злодеяния прошлого, так как они являются залогом их существования. Соответственно, время «дегуманизируется», все истори-

¹ Ранчин А. «На пиру Мнемозины»: Интертексты Иосифа Бродского...

ческие события проверяются только их отношением к настоящему, вне их уникальности.

Почему пространство оказалось сильнее времени?

Проблема времени традиционно считалась основной проблемой человеческого существования. Время, как и бытие, стоит в центре в философии экзистенциализма. Близко к взглядам экзистенциалистов понимание времени в поэзии Бродского: для него «время обладает позитивными характеристиками, в противоположность «статическому» Пространству»¹. Это очень сходно с тем, о чем пишет Хайдеггер в докладе «Время и бытие»: «Время никакая не вещь, соответственно оно не нечто сущее, но остается в своем протекании постоянным, само не будучи ничем временным наподобие существующего во времени»². Слова Бродского в интервью («Пространство для меня действительно и меньше, и менее дорого, чем время. Не потому, однако, что оно меньше, а потому, что оно - вещь, тогда как время есть мысль о вещи») почти дословно перекликаются со строками его стихотворений - «Время больше пространства. Пространство - вещь. / Время же, в сущности, мысль о вещи» («Колыбельная Трескового мыса»).

Сейчас же, кажется, акценты переставлены – со времени на пространство. Современность, как мы уже неоднократно упоминали, обрушивает на него всю свою скорость и энергию - оно присваивает пространство и сжимает его, летать на выходные к друзьям в Барселону и обмениваться сообщениями с разных концов страны – это в порядке вещей. Но такое эксплуататорское отношение к пространству уничтожает «уникальное ощущение дали» (В. Беньямин). Оппозиция «близь-даль» играет важную роль в философии Хайдеггера. Он пишет: «Спешное устранение всех расстояний не приносит с собой никакой близости; ибо близость заключается не в уменьшении отдаленно-

¹ Ранчин А. «На пиру Мнемозины»: Интертексты Иосифа Бродского...

² Хайдеггер М. Время и бытие // Разговор на проселочной дороге. – М., 1991 – С. 81.

сти»¹. Подлинная близость всегда находится как бы в отдалении, она только приближается, показывается, но никогда не наступает вплотную, не навязывается («Приближение - существо близости. Далекое хранимо близостью»). «Близь» и «даль», таким образом, это категории не внешние, а внутренние – настоящая «близь» может находиться от нас на далеком расстоянии и наоборот. Поэтому освоение физического пространства ещё ничего не гарантирует, проще говоря, переместить тело в какую-либо точку на плоскости ещё не значит преобразовать эту точку духовно, если «я», например, всем существом находится в другой точке.

Даже Интернет, по сути, победил только время (скорость распространения), но не пространство: сообщения – это не живой разговор, и картинка в «Скайпе» - это не встреча лицом к лицу, а лишь её имитация. Пространство, вероятно, больше обусловлено внешней средой, чем время – и в этом его проклятие. Слова в мгновения ока прорезывают космические расстояния, а человек часто не в состоянии вырвать себя из устоявшегося пространства – оно его держит своими обязательствами, а молодость – обещаниями успеха. Как это ни парадоксально, но человек больше свободен в своем времени, частью которого он может располагать как ему угодно, чем в пространстве. Два-три часа – для времени ничто, а для пространства – уже очень много, и никакие технологии здесь не помогут. Жизнь превращается в борьбу не столько со временем, сколько с пространством, в поэзии Бродского синонимы пространства – это всепоглощающая пустота, плоская местность: «Тебе не в радость, мне не в благодать // безлюдное, доступное пространство» (причем «доступное» только потенциально, а возможность этого доступа -

¹ Хайдеггер М. Вещь // Время и бытие. - М., 1993. URL: <http://www.infoliolib.info/philos/heidegger/th.html> (дата обращения: 05.04.14).

приближена к нулю)¹. Пространство стремится вытеснить вещь, а за ней – и лирического героя – оно враждебно человеку.

Есть и другой сюжет, связанный с пространством: человека не устраивает окружающая действительность, он покупает билет и уезжает. Переезд становится способом борьбы против памяти, сменить место жительства как родиться заново: «Забвение приходит, как освобождение и облегчение. Человек постоянно хочет забыться, забыть о прошлом и будущем», но и это ему удается только на короткие мгновения². Но частые перемещения создают обманчивое впечатление, что для внутреннего развития может быть достигнуто только за счет развития внешнего. Опасность такого диктуемого временем стереотипа в том, что он почему-то становится универсальным – любой другой вариант будет рассматриваться как деградация. Это высокомерная «кабинетная теория» исключает представление во внутренней самодостаточности человека, его минимальной зависимости от внешнего.

Но что такое физическое пространство? Хайдеггер считал, что его не существует в принципе, человеку присуще собственное пространство – экзистенциальное. И его шкала ценностей необязательно совпадает с той «табелю о рангах», которое выставляет нам стереотипная формула успеха, не случайно одна из работ Хайдеггера так и называется: «Творческий ландшафт: почему мы остаемся в провинции?». Единственный вопрос, на который должен ответить человек, желающий не бытийствовать, а экзистировать, таков: где *моё* место, где я слышу зов бытия (частично об этом мы уже писали в предыдущей главе)? Где то место, где человек может повторить: «Вот мой мир - мир, в котором я тружусь, если смотреть на него созерцательным взором гостя и отпускника»?³ Где произойдет слияние человека и «ландшафта», и человек органично растворится в метафизическом пейзаже?

¹ Ранчин А. «На пиру Мнемозины»: Интертексты Иосифа Бродского...

² Бердяев Н. А. Я и мир объектов...

³ Хайдеггер М. Творческий ландшафт: Почему мы остаемся в провинции // Исток художественного творения. – М., 2008. – С. 368.

Наверное, именно из-за этого «растворения» мало кто выбирает этот путь: каждому хочется внешнего самоутверждения с немедленным результатом, а экзистенция предполагает скромную и кропотливую работу (как Бродский отвечал на вопрос, над чем он работает – «над собой»). Для экзистирования нужно хотя бы частичка уединения и созидания, «первозданная сила присуща уединению — оно не обособляет, не разъединяет, но все существование твое здесь круто обрушивает в самую широту близости и сущности всех вещей»¹.

Перемещение в пространстве приобретает метафизический смысл, когда это возвращение – выход на родную дорогу (в прямом и экзистенциальном смысле). Жизненное пространство человека расширяется с течением времени, и постепенно его родной дом оказывается где-то на окраине этой новой ойкумены. Уход неизбежен в любом случае, «человек оставляет свой дом и все свое в недостижимой дали», но главное, чтобы в конечном итоге он вернулся, чтобы снова услышать «зов проселка, утешающий и увещающий»². Ясно, что хайдеггеровский «проселок» - это емкий символ, «как бы идеальная соотраженность идущей дороги и идущего по ней человека, их гармония» - счастливый результат обретения себя³.

Пространство больше, чем просто окружающие предметы – оно собирает в себя «все содержания мира истории, мира совершения», по факту оно переходит во время, и несовпадение между ними снимаются. Но «велика опасность, что в наши дни люди глухи к речам проселка». Хайдеггер пишет о «шуме и грохоте аппаратов, полонивших слух», от которых человек рассеивается и оказывается среди невыносимой «односложной пустоты»⁴. Сейчас,

¹ То же. – С. 370.

² Хайдеггер М. Проселок // Исток художественного творения. – М., 2008. – С. 393.

³ То же. – С. 26.

⁴ Хайдеггер М. Проселок // Исток художественного творения. – М., 2008. – С. 393.

напротив, все происходит подчеркнуто бесшумно, как бы ненавязчиво выходя к нам навстречу – но тем труднее отвлечься от этого лукавого шепота и, отвергая готовые модели, прислушаться только к собственному «я».

Торжество субъективизма как способ преодоления

Творческая сила памяти

Основные проблемы пространства и времени на современном этапе связаны с их усилившейся объективацией, иначе говоря, обезличиванием. Поэтому намечающиеся пути преодоления лежат на другом полюсе – в максимальном фокусировании на субъективном времени, где человек и его внутреннее время – это «мера всех вещей». Это требует определенного ментального мужества, твердого внутреннего стержня, иначе человек просто сломается, отворачивается от реальной действительности. Но субъективизм вовсе не значит эскапизм. Скорее, его можно сравнить с понятием свободы, который Петр Вайль в своей книге «Гений места» описывает таким образом: «Если тебе нет дела до общества, то обществу нет дела до тебя. Паритетные отношения личности с народом и государством». В переводе на наш язык: если тебе нет дела до объективного, то объективному нет дела до тебя. Это не солипсизм – объективное существует, но для меня оно значит не более, чем это нужно для того, чтобы жить в человеческом обществе; ради этого объективного я не буду жертвовать тем, что действительно дорого *мне*.

Первый шаг – это отказ от условных категорий и понятий – во внутреннем мире человека уравниваются все времена – «прошлое и будущее, как существующее, входит в состав настоящего»¹. В наше настоящее входит «вся прошлая история нашей жизни, вся прошлая история человечества» и только в этом качестве существует – свободное перемещение между временами. Здесь на первое место выходит память и хранящиеся в ней воспоминания. Но «воспоминание не есть сохранение или восстановление нашего прошлого, но всегда новое, всегда преображенное прошлое»: память всегда имеет творческую природу, как и творчество, она строится на быстрейших ассоциациях,

¹ Бердяев Н. А. Я и мир объектов...

не поддающихся рациональному объяснению («о, память сердца! Ты сильнее //рассудка памяти печальной») ¹.

У памяти своя система ценностей: она может отбросить, как ненужное, пафосное мероприятие в Доме культуры, но сохранить контуры старой медной пуговицы, с которой ты играл в детстве на даче. Если бы взять воспоминания человека и расположить в ряд, то по ним можно было бы прочитать параллельную историю его внутреннего мира, представленную так, как она есть на самом деле – «память есть глубочайшее онтологическое начало в человеке, которым связывается и держится единство личности» ². Память сопротивляется власти времени, она есть «действие вечности во времени». Не случайно в последнее время в русской литературе важное значение имеют жанры, построенные на работе памяти – это мемуары («Трепанация черепа» и «Бездумное былое» Сергея Гандлевского, «Девятый класс. Вторая школа» Евгения Бунимовича и др.), а также травелоги, рассказы о путешествиях («Город заката» Александра Иличевского, «Три путешествия» Ольги Седаковой, «Книга перемещений: пост(нон)фикшн» Кирилла Кобрин).

Иногда под грузом воспоминаний человек хочет забвения, так как и возможности памяти не безграничны, но нет ничего ужаснее этой зияющей пустоты беспамятства, когда тщетно напрягаешь лоб, силясь припомнить простые вещи. Беспамятство – это один из обликов духовной смерти, потому что по-платоновски припоминание – это познание, то есть творческая сила памяти ещё и познающая. А познание это тоже «победа над властью времени». «Приобщение к прошлому в активном припоминании» приводит к познанию самого себя через этого прошлое, через размышление над ним и над настоящим. Изучение прошлого превращается в постижение настоящего, как говорит герою романа Евгения Водолазкина Соловьёву его научный руководитель профессор Никольский: «Что бы человек ни изучал, он изучает в

¹ То же.

² Бердяев Н. А. Я и мир объектов...

первую очередь самого себя». Но, будучи ещё и изменением, «просветлением» бытия, познание также всегда обращено к будущему. При этом Бердяев отмечает такой парадокс в связи с познанием и временем: обращенное в прошлое познание познает то, чего уже нет, а повернутое в будущее – познает то, чего ещё нет и более того, может и не быть вовсе¹.

Личная история

Между тем личная человеческая память помогает по-новому посмотреть и на память общечеловеческую и избавиться от «боязни истории» - одомашнить её. Ясперс писал об истории, что «взор, обращенный в прошлое, погружает нас в тайну человеческого бытия»². Что такое история? В сущности, это «большая» память, по сравнению с «малой» память отдельного человека – это память о всех нас, но в то же время ни о ком, так как Большую историю в основном интересуют великие полководцы, цари, даты сражений и т.д. И поэтому человек фокусирует безличный поток истории на себе – Большую историю он осмысляет через призму истории своей семьи и рода, человеческая память пробивается сквозь толщу времени.

Человек с давних времен создавал для себя картину универсума, и в таком случае сейчас он снова обращается к мифу, но к мифу персональному. Мы как будто в чем-то возвратились к архаическим представлениям о времени, где одушевленное время - это «цепь человеческих поколений». Такая тенденция хорошо видна на примере современных литературных произведений: значительная часть нынешних русских романов – это семейные хроники или истории о переключках разных поколений – «Казус Кукоцкого» и «Даниэль Штайн, переводчик» Людмилы Улицкой, «Ложится мгла на старые ступени...» Александра Чудакова, «Венерин волос» Михаила Шишкина,

¹ То же.

² Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории...

«Соловьев и Ларионов» Евгения Водолазкина. «Личная история в определенной степени повторяет историю всеобщую» - эти слова можно было бы сделать эпиграфом к роману «Соловьев и Ларионов». Сама фамилия героя повлияла на его судьбу – и он, выбрав поприще историка, всегда ощущал таинственную связь с великим однофамильцем. История перестает быть сухим набором дат и фактов, когда Соловьев выясняет, что его первая любовь Лиза Ларионова – это внучка генерала.

Человек не доверяет холодным историческим фактам – ему нужно вписать себя в общий круг и внести туда тепло. Скептически относясь и к теории исторического прогресса, он признает её только в таком же камерном формате, в личном варианте, на примере своего рода. К примеру, мой прадед-крестьянин не умел читать и писать, мой дед окончил техникум, родители – университет, я учусь в МГУ имени М. В. Ломоносова, и, может, мои дети будут учиться в Оксфорде или Гарварде. Думается, это не сужение взгляда, а сосредоточенность на чем-то определенном – и это избавляет от ненужных красивых фраз о прогрессе человечества (теория прогресса убеждает, когда она существует в личном примере).

Безвременье – это не проклятие

Черта, роднящая представления современного сознания о времени с мифологическим - это совмещение синхронии и диахронии, стремление к вневременному восприятию. Такая «вневременность» ощущения времени «отражала присущее им особое чувство полноты бытия»¹. Но надо отметить, что стремление к такому архаическому восприятию времени соединяется с современным ощущением быстротечности и реальности настоящего момента. Ясно, что полностью возвратиться назад наше сознание не может, оно в

¹ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры...

состоянии только *припомнить*, и это порождает драматическую напряженность (иначе мы бы не брались за рассмотрение данной темы).

Осмысление субъективного отношения ко времени приводит к размышлениям о том, что, как это ни удивительно, «суть дела, по-видимому, не во времени»¹. Время является лишь тем, «через что и благодаря чему мы добираемся до настоящего», или – время – это только инструмент, а подлинное происходит «вне времени». Календарное время никогда не может уследить за течением времени как такового, как бы оно ни расставляло сети: «Новое настоящее наступает всегда прежде времени, всегда не во время и не за какой-то промежуток времени, а внезапно, обычно не ко времени»².

Вероятно, первым, кто «понял парадоксальность времени и его кажущуюся призрачность», был Аврелий Августин. Бердяев так писал о его концепции времени, изложенной в «Исповеди»: «Время есть как бы распавшаяся вечность, и в этой распавшейся вечности неуловима ни одна из распавшихся частей, ни прошлое, ни настоящее, ни будущее»³. Как может быть прошлое и будущее, когда первого уже нет, а второго – ещё нет? А если бы настоящее никогда не уходило в прошлое, то «это было бы уже не время, а вечность; настоящее оказывается временем только потому, что оно уходит в прошлое»⁴. Мы же очень неточно говорим о существовании трех времен – прошлого, настоящего и будущего. Правильнее было бы говорить так: есть «настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего». Первое – это память, второе – непосредственное созерцание, третье – ожидание. Августин излагает концепцию субъективного времени, независимого от

¹ Бибахин В. Мир...

² То же.

³ Бердяев Н. А. Я и мир объектов...

⁴ Августин. Исповедь. URL: <http://www.vehi.net/avgustin/ispoved/01.html> (дата обращения: 24.03.2014).

объективных реалий: «некие три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу»¹.

Учение Августина, подчеркивает Гуревич, сильно расходится, например, с взглядами Платона. По Платону время как бы ведет человека к вечности, так как оно нескончаемо. Но Августин четко разделяет время переживаемых событий и божественную вечность: вечность - это отсутствие времени, а время всегда стремится к своему исчезновению². Так и пророки прозревают будущее потому, что они «в духе преодолевают время, судят о времени из вечности». Время, как пишет Бердяев, явилось результатом грехопадения: вечность, которую мы потеряли, «противоположна и кошмару бесконечного времени, и кошмару конечного времени»³.

Такие представления о времени составляют философскую основу одного из лучших русских романов последних лет – «Лавра» Евгения Водолазкина (хотя тема пространства и времени присутствует во многих его книгах). И это может служить наглядным подтверждением того, что современному сознанию близко субъективное восприятие времени. Для Водолазкина в словах «безвременье» и «повторение» не звучит трагической обреченности, невозможности вырваться из замкнутого круга. «Прощайте, годы безвременщины» и «все ведомы, и только повторенье грядущее сулит» – здесь это невозможно.

Вневременное существование становится единственно возможной формой человеческой жизни. Временные координаты представляются как прямые и косые линии в прописях, без которых детской руке не справиться с вереницами букв: сознание человека не может вместить в себя все происходящие одновременно события, поэтому ему необходима строгая классификация времен (ему нужна конкретика – не луна, а светлый циферблат. Водолазкин так и пишет, что «мы заперты во времени из-за слабости нашей»). На са-

¹ *Августин. Исповедь...*

² *Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры...*

³ *Бердяев Н. А. Я и мир объектов...*

мом же деле не стоит считать определяющими временные отметины, которые по своей сути относительны («слова рано или поздно не определяют содержания явлений. Они относятся только к форме их протекания»). Наречия времени – робкая попытка ограничить и измерить бесконечное: заканчивается и исчерпывается не само время, а те явления, к которому относится временная характеристика.

Зависимость от времени делает человека неповоротливым и заставляет с недоверием, если не с презрением, относиться вечности («и Батюшкова мне противна спесь»), ведь время синонимично конечности. Время – это, скорее, «проклятие»: в Раю его не было, и на лицах праотцев сияла «райская вневременность». К ней можно прикоснуться только в двух крайних полюсах жизни – в глубокой старости или в детстве. «Детство-это маленький личный Рай», пишет Водолазкин в рассказе «Совсем другое время». Ребенок бессмертен в том смысле, что, даже если он видит смерть, то не соотносит её с собой.

Переход к юности влечет потерю чувства вневременности: «каждый из нас повторяет путь Адама и с потерей невинности осознает, что смертен» (вспоминаем, что об этом говорил и Бердяев). Причем дело не столько в самом «грехопадении», сколько в процессе осознания собственной телесности, обретение тела означает обретение смертности. Тело сильнее всего привязано к временным координатам: «во времени нуждается лишь материальный мир», а всё, не скованное оболочкой, остается вне этого ограниченного пространства. В словосочетании «вечная любовь» нет ничего банального, так же как и в другом – «вечная жизнь»: никто не уходит, все остаются (уход – всего лишь категория времени). О том же писал Бродский в стихотворении «На столетие Анны Ахматовой»: «Бог сохраняет все; особенно – слова прощенья и любви, как собственный свой голос».

Но движение времени прерывисто: кажется, что временная цепочка то и дело обрывается, и эти образующиеся углубления – и есть подлинное. Главный герой «Лавра» замечал, что события часто расходятся со временем,

они могут перепутать порядок очередности или наступить сами по себе, будто вынутые из него. В монастыре он определяет форму движения времени как круг: замкнутый в себе, он равен вечности – в нем нет движения вперед. Но настоятель поправляет его: время – скорее «разомкнутая фигура», и это не круг, а спираль, в ней нет невыносимой заикленности, а каждый новый виток – «повторение пройденного», но на более высоком уровне, «с памятью о пережитом прежде».

И не нужно бояться повторений, когда в детстве, в отсветах огня, вдруг видишь себя в старости, а потом проживаешь это, так же как и глубоких временных разрывов, казалось бы, не связанных между собой. Герой отчуждается от самого себя, собственные воспоминания о себе кажутся ему выдумкой. И только в конце жизни сумел обрести покой, полностью освободившись от оков времени: события в его памяти выстраивались сами по себе, а «пережитое постепенно теряло отчетливость, все более превращаясь в общие идеи добра и зла». Субъективное, то есть личное – победило!

Заключение

Современность установила такие отношения ко времени и пространству, которые, давая человеку видимую независимость от этих категорий, на самом деле только сильнее подчиняют его себе. Скорость времени стала почти космической. Превратившись в равные промежутки часов и минут, отражающиеся на часах и дисплеях, оно окончательно обезличилось. Установленный временем бешеный ритм вынуждает человека жить, не отрывая взгляд от циферблата, но внутреннее время приходит в противоречие с внешним. Современный человек, безусловно, приспособился к жизни в изменяющихся со скоростью молнии условиях (Интернет), но часть его души – вневременная – не может выдержать: ей нужно остановиться в созерцании, но этого не дают сделать. Это порождает обостренное ощущение быстротечности времени, сиюминутности каждого мгновения – и трагического осознания, что никакие гаджеты не в силах ничего сделать с течением времени (и в этом смысле – сейчас или триста лет назад – неважно).

Разрыв между объективным и субъективным временем часто приводит и к отрыву от большого времени – исторического. Время (Век) формирует определенную среду, диктует свои условия, и если твоя собственная внутренняя программа не совпадает с ними, то начинаешь чувствовать отчуждение от внешнего и потерянность среди окружающей реальности.

Пространство тоже проявляет свою власть. На первый взгляд, современный человек с помощью технологий подчинил себе пространство, но эта победа – призрачная, вернее, виртуальная, а в реальности оно остается таким же безлюдным и упорствующим. Как и время, пространство лишилось духовной составляющей: оно превратилось в поле для бесконечных перемещений человека. Но в большинстве случаев эти формы утверждения себя в мире – внешние, они лишены сущностного, метафизического наполнения,

Остается главный вопрос: что делать современному человеку? Мне кажется, что, действительно, есть лишь один вариант: внешнему мы можем противопоставить только внутреннее – самого себя, ничего другого у нас просто нет. В определенном смысле это позиция стойка: когда провозглашается самоценность внутреннего мира человека и его автономность по отношению к внешним условиям. Впрочем, это оправданно, ведь не случайно на сломе эпох – Возрождения и Нового времени – умами завладели идеи стоицизма, у Кальдерона или у Шекспира (и как говорил потом Иосиф Бродский: «Позиция стойка в равной мере подходит как верующим, так и агностикам; при занятии поэзией она практически неизбежна»). Но суть даже не в терминах, а в том, что это закономерное стремление: если внешние условия устроены таким образом, что они не дают человеку заглянуть внутрь себя и поразмышлять, то вопреки им он будет добиваться этого.

Внимание к личности человека, на мой взгляд, означает не эгоцентризм, а гуманизацию – например, в случае с историей, на которую смотришь через историю своего рода (и такая связь делается крепче). Во главу угла человек ставит свое личное время – воспоминания, впечатления, которое помогает победить жесткие рамки и условные категории (прошлое и будущее, близкое и далекое) и вернуться к вневременному существованию. Тогда вечность лишается холодной абстрактности, а становится квинтэссенцией всего ценного, что есть у человека и к чему он стремится – неизменным и подлинным среди всего зыбкого и изменяющегося.

Список литературы

Августин. Исповедь. URL: <http://www.vehi.net/avgustin/ispoved/01.html> (дата обращения: 24.03.2014).

Бердяев Н. А. Я и мир объектов // *Философия свободного духа*. - М.: Республика, 1994. URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/mirobj/index.html> (дата обращения: 23.03.14).

Бибихин В. Мир // *Вестник русского христианского движения* (Париж – Нью-Йорк – Москва), № 189, 1, 2005. URL: <http://bibikhin.ru/articles-list/16/76/> (дата обращения: 26.03.2014).

Водолазкин Е. Лавр. Неисторический роман. – М., 2013.

Водолазкин Е. Совсем другое время. – М., 2013.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М., 1972. URL: <http://www.philology.ru/literature3/gurevich-72.htm> (дата обращения: 27.03.14).

Лосев А. Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре // в составе заключения к книге: Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. и др. *Античная литература: Учебник для высшей школы / Под ред. А.А. Тахо-Годи*. - М., 1997. URL: <http://philologos.narod.ru/losev/antic12t.htm#003> (дата обращения: 09.04.14).

Мамардашвили М. Кантианские вариации. URL: http://www.gramotey.com/?open_file=1269073256 (29.03.14).

Ранчин А. «На пиру Мнемозины»: Интертексты Иосифа Бродского. – М., 2001. URL: <http://lib.rus.ec/b/443171/read> (дата обращения: 07.04.14).

Хайдеггер М. Вещь // *Время и бытие*. - М., 1993. URL: <http://www.infoliolib.info/philos/heidegger/th.html> (дата обращения: 05.04.14).

Хайдеггер М. *Время и бытие // Разговор на проселочной дороге*. – М., 1991. - С. 80-102.

Хайдеггер М. Проселок // Исток художественного творения. – М., 2008. – С. 391-395.

Хайдеггер М. Творческий ландшафт: Почему мы остаемся в провинции // Исток художественного творения. – М., 2008. – С. 368-372.

Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории. – М., 1991. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000655/> (дата обращения: 20.03.2014).